

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 338-348
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.338

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Representations of Asian Russia as a Colony in the Epistolary Discourse of the Leaders of the Siberian Regionalism

Bakyt S. Tokmurzayev ^{a, *}, Michael K. Churkin ^{b, c}, Sabira N. Apasheva ^a

^a «Sirdariya» University, Zhetysai, Kazakhstan

^b Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

^c Tobolsk Complex Research Station of the Ural, Russian Federation

Abstract

The article, based on the materials of N.M. Yadrintseva and N.M. Potanin reveals the content of the epistolary discourse of Asiatic Russia as a colony. The basis of the research procedures are the methodological principles of the new cultural and intellectual history, and the reliability of the conclusions is due to the involvement in the work of an array of letters of 1872–1874, written by the leaders of the Siberian regionalism in the traumatic circumstances of political exile. The team of authors found that the actors of the discourse represented elements of the political program for the colonization of the Asian spaces of Russia, in which there were no declarations of a separatist nature. It is determined that the ideas of the regionalists about the nature of the incorporation of asian territories into the general imperial space differed markedly from the understanding of this situation by the authorities, parties and movements of the national-conservative spectrum of the socio-political thought of the Russian Empire. It has been argued that the appeals in the epistolary discourse to Western European colonization theories provided an opportunity for the leaders of the Siberian regionalism to position Asian Russia not as a continuation of the territory of the empire, but as a colony that needed support and paternalistic guardianship from the metropolis until the their cultural, social, economic alignment, which will ensure the subsequent political emancipation of the region.

Keywords: Asiatic Russia, colonization, colony, metropolis, outskirts, leaders of Siberian regionalism, siberian journalism, epistolary discourse.

1. Введение

Рефлексия Азиатской России как территории имперского проникновения и «присвоения» являлась неотъемлемой частью общественно-политического дискурса второй половины XIX – начала XX вв., в системе координат которого отдаленные окраины за Уральским хребтом позиционировались в двух антиномичных ипостасях: как продолжение «коренной» территории Российской империи и как ее колония в экономическом, политическом и культурном отношении.

Среди многочисленных каналов репрезентации дискурса Азиатской России в исследуемый период, в числе которых материалы периодической печати, труды востоковедов, делопроизводство центральной и региональной администраций, общественных организаций, не последнее место занимала частная переписка деятелей политических партий и движений, прямо или опосредованно вовлеченных в обсуждение широкого спектра вопросов имперской политики на окраинах страны. К числу таковых может быть отнесена переписка лидеров сибирского областничества Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, оставивших заметный след в качестве журналистов, литераторов, исследователей и

* Corresponding author

E-mail addresses: b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev),
proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin), sabira66_66@mail.ru (S.N. Apasheva)

имперских экспертов региона, стремительно вовлекаемого во второй половине XIX столетия в общегосударственное пространство России.

Обращение к эпистолярному наследию сибирских областников в контексте раскрытия содержания репрезентаций Азиатской России как колонии видится актуальным, поскольку письмо, как справедливо полагают исследователи, представляет собой особый жанр, в рамках которого пишущий позволяет себе идти на риск и экспериментировать со словом. Одним из характерных признаков письма является процесс эмоционального вчувствования адресанта в воссоздаваемый текст (Скопкарева, 2015). В данном отношении деконструкция эпистолярного дискурса лидеров областничества предоставляет исследователю дополнительные возможности конструирования исторической реальности и перепрочтения известных исторических сюжетов в контенте коммуникации «адресант-адресат-исследователь».

2. Материалы и методы

Решение исследовательских задач, связанных с раскрытием содержания дискурса колонизации Азиатской России в эпистолярном наследии лидеров сибирского областничества, ориентировало исследователей к привлечению, собственно материалов переписки Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Основными источниками при подготовке статьи стали письма сибирских областников, датированные периодом 1872–1874 гг. – временем наиболее интенсивной и продуктивной с идейной точки зрения эпистолярной коммуникации областников (Ядринцев, 1918; Потанин, 1987).

К работе также привлекались наиболее значимые исследовательские труды участников переписки, поскольку отношение к процессу колонизации, имевшее лишь смутное, тезисное очертание в письмах, приобретало отчетливую конструкцию в научно-публицистических статьях и монографиях авторов, что позволило проникнуть в «творческую лабораторию» областников, понять, в какой логике и последовательности возникали, «обрабатывались» и кристаллизовались их идеи (Ядринцев, 2003; Ядринцев, 2015; Потанин, 1876).

В методологическом плане положения и выводы статьи соотносятся с предметным полем «новой культурно-интеллектуальной истории», предполагающей включение в исследовательский контекст таких понятий, как «интеллектуальные традиции», «интеллектуальные сообщества» и «интеллектуальная культура» (Репина, 2007; 89). Основанием исследовательского подхода в границах «новой культурно-интеллектуальной истории» является признание активной роли языка, текста и нарративных структур в конструировании исторической реальности, другими словами *дискурсивных практик*, предполагающих существование единого концептуального пространства, образуемого тематически связанными текстами (Миньяр-Белоручева, 2015).

Методологический инструментарий новой исторической науки predetermined выбор метода деконструкции дискурса в качестве основного инструмента работы с эпистолярным наследием лидеров областничества, применение которого позволило выявить не только реакцию акторов переписки на произошедшие или происходящие события, но и раскрыть динамику их представлений о колонизационном процессе с учетом социокультурного контекста эпохи и моделей интеллектуальной коммуникации в исследуемый период.

3. Обсуждение

Тема Азиатской России как колонии в эпистолярном дискурсе лидеров сибирского областничества не являлась специальной областью «исследовательского притяжения» историков, а обращение коллег по «цеху» к жанру переписки носило эпизодический и иллюстративный характер, что долгие годы было обусловлено периферийным статусом источников личного происхождения.

Среди работ филологов, составивших базис историографической традиции вопроса, необходимо отметить группу авторов, фокусирующих внимание на сибирском тексте как феномене отечественной литературы (Серебrenников, 2010; Макарова, 2011).

В современных исторических штудиях широкий спектр проблем, связанных с привлечением к исследованиям сибирской проблематики эпистолярного наследия общественно-политических деятелей региона, выделим публикации, посвященные письмам как инструменту конструирования коммуникативного пространства и коммуникативным практикам (Матханова, 2021), а также эпистолярному наследию как источнику для изучения становления и функционирования профессионального сообщества сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX в. (Чернова, 2019).

4. Результаты

Применительно к эпистолярному дискурсу лидеров сибирского областничества Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина такие понятия, как «частное», «сокровенное» в отношении содержания и стилистики текстов писем, являются знаковыми, поскольку отражают личный травматический опыт основных фигурантов дела «сибирских сепаратистов» 1865 г., по результатам которого Г.Н. Потанин был предан гражданской казни, в течение трех лет находился в заключении в

Свеаборгской крепости, после чего был выслан под надзор полиции в Вологодскую губернию. Н.М. Ядринцев два года провел в Омской тюрьме и впоследствии был сослан в Шенкурск Архангельской губернии.

С сожалением приходится констатировать, что за гранью интереса ученых остается эмоциональная реакция «жертв», сложная система душевных переживаний и восприятия травмы, что оказало в дальнейшем влияние на конструирование областниками стратегии поведения, запечатленной в их общественно-политической и научно-публицистической деятельности. Между тем при вчитывании в письма Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина возникает отчетливое понимание корреляции между травматической ситуацией и определенными трансформациями в представлениях их авторов о своем общественно-политическом и научном предназначении.

По утверждению специалистов, психологическая травма далеко не всегда влечет за собой фрустрацию и опустошение, для некоторых это является мотивирующим и преобразующим фактором, когда психотравма становится спусковым механизмом для перемен к лучшему, кардинально меняя интересы, мироощущение и создавая объемную, наполненную жизненную перспективу (Шашмурина, 2020: 218). Отметим, что в письмах областников, относящихся к периоду 1872–1874 гг., мотив переживания травмы существует повсеместно, но обозначается как старая декорация в новых обстоятельствах журналистской и научно-исследовательской деятельности. Так, Н.М. Ядринцев, обращаясь к Г.Н. Потанину, с юмором, в отдельных местах «черным», пишет: «Долго ли мы будем мыкать свое горе – неизвестно... Шукин, как слышали, вероятно, напоследок сделал одну умную вещь: он умер. Шайтанов женился на мещанке в Пинеге, изобретает какую-то водку, завел трактир и учит жену на фортепьянах... Слава Богу, скорее туфли и халат. И мы здесь сыграли свадьбу. Шашков женился. А мы что с вами, друг? Живы, али гробы поваленные? Давайте же руку, поцелуемся крепко» (Ядринцев, 1918: 7). Он же сетовал, что в Шенкурске нет людей одинаковой с ним породы: Шашков был сосредоточен в себе, Ушаров пил и все больше опускался. «Я одинок, как и Вы, – писал Ядринцев Потанину, – и космополитическая среда, и ее интересы, и разговоры не удовлетворяют меня. Мне нужны птицы одной породы, и на соседство с Вами я променял бы все прочие соседства» (Ядринцев, 1918: 48).

В свою очередь, Г.Н. Потанин в переписке с Н.М. Ядринцевым пережитое в крепости определяет как «лютые дни», неизменно добавляя при этом о своем желании «поэксплуатировать» данную тему в журнальных публикациях с целью заработка (Потанин, 1987: 81). В письмах Г.Н. Потанин лишь эпизодически затрагивает тему заключения, повествуя о драматическом этапе биографии с характерной для его стиля лаконичностью, легкостью и остроумием: «Об образе моей жизни в Свеаборге не хотелось бы писать, но вкратце постараюсь удовлетворить Ваше требование. Первые полгода работал на площадях, бил молотком щебень, возил таратайки с камнем, колол лед, пилил дрова, пел «Дубинушку», сиживал в гребях. Наконец начальство в виде улучшения моего положения назначило меня в собакобой, и целое лето я был собачьим Аттилой и ужас насаждал в собачьи сердца. Потом меня повысили еще выше – в дровораздаватели, потом в огородники и учителя. Кормили нас овсом, что и прилично было для животных, возивших таратайки. Три года не пил чаю, не ел говядины, жил шекером и не получал ни от кого писем, кроме одного от Ивана Федоровича Соколова, да двух от Катанаева» (Потанин: 1987: 82).

В целом можно говорить о том, что ссылка до определенной степени способствовала «инкапсуляции» психологической травмы областников, последующее преодоление которой выразилось в конструировании такой коммуникативной среды, в которой дефицит прямого общения компенсировался интенсивными эпистолярными контактами.

В данном отношении начало 1870-х гг. стало важным этапом эволюции областнической идеологии. Очевидно, что одним из решающих факторов переформатирования концепции сибирского областничества и ее «дрейфа» от революционных к либеральным основаниям, принципам и средствам стало физическое ограничение возможностей ведения активной общественно-политической деятельности, распространившееся на лидеров движения. Не менее существенную роль сыграли и возрастные изменения, неизбежно повлекшие за собой трансформации мировоззренческого характера, что обуславливалось во многом коррективами круга чтения и вынужденными ограничениями коммуникации.

В историографии сибирского областничества достаточно полно освоены сюжеты, посвященные описанию и характеристике национальных идейных источников областничества. В частности, исследователями установлено, что политические взгляды лидеров движения Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в 1860-е гг. формировались под мощным влиянием трудов и идей революционных демократов – А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, заявлявших о праве народов на самобытность, областную автономию и самоопределение, а также адептов федералистской теории – Н.И. Костомарова и А.П. Щапова, чьи требования федеральной или союзной общинно-демократической конституции стали теоретическим основанием программы сибирского кружка в Петербурге (Ремнев, 1997; Шиловский, 2008; Чуркин, 2019).

В 1870-х гг. в условиях ссылки лидеры сибирского областничества обращаются к либеральным западным общественно-политическим идеям и теориям. Примечательно, что первое знакомство

областников, в частности Г.Н. Потанина с западными идеями колониализма, относится еще к середине XIX в. Яркое впечатление на него произвела статья востоковеда И.Н. Березина ([Березин, 1858](#)), в которой автор рассматривал российский колонизационный опыт в общемировом (испанском, французском, английском, американском) контексте, опираясь на работы немецкого экономиста В. Рошера, полагавшего, что земледельческие колонии рано или поздно отделяются от метрополий, обретая суверенитет ([Ремнев, 1997: 142-145](#)).

Смещение интересов лидеров областничества к вопросам колониализма и осмыслению перспектив Сибири как колонии Российской империи рельефно демонстрируется в эпистолярном наследии 1870-х гг. Н.М. Ядринцева, увлечение которого проблемами идеологии и поиском ответов на актуальные вопросы о путях развития России и Сибири, с апелляцией к западным источникам, являлось наиболее цельным и оформленным.

Уже в первом письме к Г.Н. Потанину из г. Шенкурска от 20 февраля 1872 г. Н.М. Ядринцев в спектре изданий, получаемых им по подписке, наряду с отечественными, называет длинный список западных журналов, среди которых выделяются *Reve Britanigue*, *Revue de deux mondes*, *Bibliothegue universelle de Geneve*, добавляя при этом, что со следующей почтой обязательно вышлет свои каталоги, специально касающиеся путешествий и истории Америки, Азии, Австралии и Африки на немецком, французском и английском языках ([Ядринцев, 1918: 4](#)). В перечне произведений, упоминаемых Ядринцевым в письмах, как в связи с собственными работами, так и в качестве рекомендательного «чтива», регулярно встречаются труды авторов, так или иначе исследующих экономические аспекты колониационного вопроса: Дж. Милля, А. Токвиля, Г. Кэрри, П.-Ж. Прудона, К. Маркса и др. Примечательно, что увлеченность Ядринцева англоязычной литературой, для чтения которой он серьезно занялся изучением языка, проявляется в письмах даже в таких, казалось бы, мелочах, как обращение к адресату «*my dear friend*» и в прощальном «до свидания, сэр» ([Ядринцев, 1918: 49](#)).

Г.Н. Потанин в ответном письме от 28 февраля писал: «От всех ваших статей-проектов я в восхищении. Желал бы соревноваться с Вами и соперничать. Предполагаю, что Вы богаты данными. Пришлите мне список книг о Востоке, какие имеете, и о колониальной политике» ([Потанин, 1987: 82](#)). Определенное первенство Н.М. Ядринцева в теоретических знаниях угадывается и в следующем пассаже письма Г.Н. Потанина: «Тема, которую Вы мне предлагаете о значении путешествий Палласа и пр., отличная, но она так велика, так много требует предварительного чтения и особенно размышлений, что я, при настоящих своих средствах и знаниях, да и кармане взяться за нее боюсь» ([Потанин, 1987: 86](#)).

В письмах Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину в 1872–1874 гг. отчетливо прослеживается новый вектор его исследовательских интересов, постепенно преобразуемых в идейно-теоретическую программу. Уже в первых посланиях к своему товарищу, отправленному после крепости на поселение в г. Никольск Вологодской губернии, Ядринцев сообщает: «...Просвещением мы снабжены, ...у Серафима (Шашкова) уже есть порядочная библиотека, даже по части исторической... Я накапливаю свою, колониальную; на днях выписываю многие книги о нашем Востоке» ([Ядринцев, 1918: 4](#)).

Значительный объем информации, сообщаемой Г.Н. Потанину, составляют известия об организации издания «Азиатский вестник» под редакцией востоковеда П.И. Пашино, к сотрудничеству в котором, помимо Н.В. Шелгунова, В.С. Курочкина, был приглашен и Н.М. Ядринцев. Несмотря на печальную судьбу журнала, обвиненного в откровенной социал-демократической направленности и запрещенного цензурным комитетом после выхода первого номера, сведения о процессе подготовки материалов, описании структурной композиции публикаций в интерпретации Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, живо откликнувшегося на эту новость, представляют большой интерес, поскольку позволяют составить представление об исследовательской программе областников и перспективных для них направлениях работы ([Ядринцев, 1918: 5-6](#)). Так, Н.М. Ядринцев, помимо объявления содержания первого выпуска, информирует Г.Н. Потанина о составе авторского коллектива журнала, в том числе и в ближайшей перспективе. Обращаясь к Потанину как к потенциальному автору Ядринцев подчеркивает важность публикаций в азиатском отделе журнала статей, посвященных так называемым местным вопросам: сибирской природе, этнографии Азиатской России, торговле, промышленности, просвещению ([Ядринцев, 1918: 5-6](#)).

Г.Н. Потанин в ответных письмах на сообщение о подготовке к изданию «Азиатского вестника» реагирует очень живо, что отчасти объясняется бедственным финансовым положением и ограниченными возможностями жить в месте поселения литературным заработком ([Потанин, 1987: 79](#)). Потанин, рассказывая Ядринцеву о планах своего участия в деятельности издания, сетует не только на бедственное положение, но и недостаточную подготовленность в теоретическом отношении: «Да, Николай Михайлович, похлопочите устроить мне регулярную жизнь, регулярный приток денег. У меня тоже есть кое-какие проекты, но я о них не пишу, потому что они еще не имеют прочных фундаментов... Дебютировать я хотел своими очерками и потом уже статьями по поводу книг... Ваша книга о штрафной колонизации может мне послужить поводом к рецензии» ([Потанин, 1987: 81-83](#)).

Вместе с тем глубокие познания Г.Н. Потанина в этнографии и экономике и рассуждения в письмах на злободневные темы вносят серьезный вклад в расшифровку исследовательской программы Н.М. Ядринцева, представленной в его письмах довольно сумбурно. В частности, Г.Н. Потанин предложил своему единомышленнику использовать в статье о сибирской промышленности XVIII в. аллегорию, позволяющую представить всю историю Сибири как последовательную смену соболиной, золотопромышленной и земледельческой эпох, а в работе над инородческим вопросом легенду о раздаче Богом земли, в которой русские выбрали лес, став звероловами. Потанин, таким образом, обратил внимание Ядринцева, с одной стороны, на сложность инородческой проблематики, с другой – на невысокий культуртрегерский потенциал русского народа в колонизационном отношении (Потанин, 1987: 84–85).

Переписка лидеров сибирского областничества Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина в своем содержании и атмосферном состоянии разворачивалась в канве романтической традиции, которая, по словам Ядринцева, сложилась в Петербурге в начале 1860-х гг., когда и произошло их знакомство: «Мы с Потаниным как встретимся, то постоянно строим воздушные замки о Сибири. Я уже предложил снять в Томске типографию и издавать сибирский журнал. Я надеюсь это осуществить, потому что имею средства. Николая Семеновича (Н.С. Шукин) буду просить редактором, а Потанин хочет быть самым деятельным сотрудником. Заведу вроде Café restaurant с читальными залами журналов, и многое, многое гнездится мыслей на устройство нашего отечества, нашей Сибири» (Ядринцев, 1980: 228). Г.Н. Потанин в своих воспоминаниях о дружеских контактах с Н.М. Ядринцевым в петербургский период довольно точно выделил те элементы программы областнической идеологии, которые не были окрашены в цвета политического радикализма и определялись как «идея сознательного служения краю» (Ядринцев, 1919: 45): «Их занимал вопрос: так что же такое Сибирь: колония или провинция, пользуется ли она «равными правами с другими областями империи; пользуется ли одинаковыми заботами правительства о его благосостоянии, о его просвещении и культурном прогрессе <...> или, может быть, оно преследует такую же политику по отношению к своей колонии, как другие европейские метрополии, политику несправедливую, ко благу только метрополии и в ущерб колонии»? «Тогда же мы поняли, что интересы Сибири противопоставлены интересам Москвы <...>» (Потанин, 1983: 159–160).

Эпистолярный контакт лидеров сибирского областничества, волею обстоятельств лишенных привычных способов непосредственного общения, имел довольно интересные с исследовательской точки зрения результаты: в условиях ссыльной повседневности частная переписка создавала новый формат коммуникации адресата и адресанта. Это объясняется не только текущим статусом участников переписки, предполагавшим большой объем свободного времени, но и техническими возможностями почтового сообщения, предоставлявшего авторам писем дополнительное время на раздумья и подготовку обстоятельного ответа. В данном отношении переписка Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина 1872–1873 гг., по нашему убеждению, наиболее предметно отражает эволюцию взглядов сибирских областников от политического радикализма к умеренному либерализму. Существенным является и то, что в этот период актуализируется интерес сибирских интеллигентов к Азиатской России и ее общественно-политическим, экономическим и культурным перспективам как колонии в составе Российской империи. В этом плане эпистолярный дискурс Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина может и должен прочитываться как неоформленная программа колонизации восточных окраин империи через спектр тем, вызывавших у акторов переписки предметный интерес.

Следует подчеркнуть, что дискурс колониального прошлого, настоящего и будущего Азиатской России в письмах лидеров областничества маркируется под общим термином «местные вопросы», стихийно обсуждаемые в формате частной переписки. Темы общины, тюрьмы и ссылки, судеб коренного населения края, организации промышленности и торговли, форм просветительской деятельности и научной экспертизы окраинных территорий буквально рассыпаны по текстам писем.

В то же время в процессе чтения возникает устойчивое ощущение присутствия неких смыслообразующих фрагментов, являющихся исходной точкой программных соображений авторов. Так, Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин пристальное внимание в эпистолярной коммуникации уделяют «провинциальной истории» и перспективам провинции в условиях государственного централизма. В письме к Потанину из Шенкурска от 12 марта 1872 г. Ядринцев сообщает о намерении заняться темой истории провинции в Европе, «посвятив ей года два–три и, может быть, более» (Ядринцев, 1918: 15). В июле того же года Николай Михайлович сообщает своему товарищу о желании писать статью (памфлет) с названием «Провинция и провинциализм», центральным сюжетом которой станет «небрежное отношение интеллигенции, воспитанной централизацией, к провинции..., понимаемой как синоним невежества, тупости, скотской жизни и скопища злоупотреблений» (Ядринцев, 1918: 52). В следующем письме, также датированном июлем, Н.М. Ядринцев, опираясь на свой теоретический опыт исследования провинций во Франции, Швейцарии, США, отметил, что изучение государств централистских окончательно убедило его в том, что областной вопрос сохраняет свою актуальность как в Западной Европе, так и в России, поскольку изучение местных народных вопросов должно обусловить дальнейшее развитие личности в окраинных землях (Ядринцев, 1918: 77).

Развивая соображения Н.М. Ядринцева, касающиеся важности самопрезентации российской провинции, Г.Н. Потанин подчеркивал знаковую роль региональной интеллигенции в пробуждении общественных сил окраин. Он, в частности, писал: «Философ, не спускающийся к народу, всегда, как Антей, прикрепившись к земле, поднимается с удвоенною силою. Местный патриотизм – это могущественный инстинкт, не призванный к жизни, бесполезно таящийся, робко прозябающий в сердцах людей и способный сотворить чудеса, как он это и делает в Америке, если сделать к нему призыв» (Потанин, 1987: 140).

В понимании акторов переписки преодоление в российском обществе представлений об Азиатской России в категориях «отсталость» и «невежество» будет возможно только средствами регулярной просветительской деятельности. В данной связи лидеры областничества в рамках эпистолярной коммуникации выделяют наиболее существенные, с их точки зрения, условия, определяющие продуктивность просветительства на окраинах.

Во-первых, значительное место в эпистолярном дискурсе отводится вопросам организации научной экспертизы Азиатской России. Н.М. Ядринцев, критикуя в письме к Г.Н. Потанину содержание статей первого номера «Азиатского Вестника», рассуждал о нецелесообразности публикаций в печати статей общего характера, подчеркивая необходимость «научной разработки Азии..., публикации отчетов об ученых путешествиях и открытиях» (Ядринцев, 1918: 11). С изрядной долей сарказма автор констатировал неудовлетворительное состояние экспертной работы, и особенно качества публикаций по результатам так называемых «научных экспедиций». Под огнем его критики оказывалась опубликованная в 1871 г. книга С.И. Турбина (Турбин, 1871), о которой Н.М. Ядринцев сообщал следующее: «Турбин обещал представить отношение к колонии метрополии. Ничего подобного, конечно, я не нашел. Но сама по себе книга – курьез... Это путешествие чиновника с двойными прогонами... По пути он охотится, развлекается рыбной ловлей, жуирует, расспрашивает кое о чем бродяг, ссыльных, новоселов и т.д. ...Поездка веселая и приятная» (Ядринцев, 1918: 30).

Г.Н. Потанин, живо реагируя на критические замечания товарища, в целом соглашался с его оценками текущих практик экспертной работы, отмечая при этом зарождение новых тенденций и появление лиц, способных сложившуюся ситуацию изменить к лучшему. Так, в письме от 5 марта 1872 г. он в качестве положительного примера называет работы П.А. Ровинского – исследователя Восточной Сибири – с нижеследующим комментарием: «Очень рад, что начинают ездить путешественники для изучения не обычаев инородцев или геологических формаций, а экономического быта населения» (Потанин, 1987: 96). Развивая мысль о важности научного подхода к исследованию восточных окраин, Г.Н. Потанин особо подчеркивал потребность соединения практической исследовательской работы с ее последующей репрезентацией: «Мне кажется, в популярной книге о Сибири есть недостаток и потребность. Книга Завалишина никуда не годна и то была издана два раза. Я не буду задаваться целью написать полное описание, но напишу, однако ж, в серьезном роде, чтобы сочинение имело вид ряда любопытных ученых картин. Со статистикой я надеюсь больше сладить, чем с физической географией, но и тут будет пробел в отношении статистики движения народонаселения» (Потанин, 1987: 116).

Во-вторых, в письмах явственно отражен мотив острой нужды региона в систематических «площадках» научной и образовательной рефлексии знания об Азиатской России. Н.М. Ядринцев уверенно заключал, что развитие географической науки и успех географического общества немислимы без «туземного» университета (Ядринцев, 1918: 44). В то же время, приветствуя и продвигая идею университета, Ядринцев отчетливо понимал, что перспективы российского востока будут связаны с земледельческим освоением и актуализацией крестьянского вопроса, выражая тревогу отсутствием интереса и расположенности интеллигенции к местному крестьянству (Ядринцев, 1918: 71). В своем письме к Г.Н. Потанину он выражал надежду на то, что с развитием просвещения, распространением всеобщей грамотности интеллигенция может возникнуть из крестьянской среды (Ядринцев, 1918: 72). При этом Ядринцев призывал оказывать данному процессу всяческую государственную и частно-общественную поддержку (Ядринцев, 1918: 72).

Г.Н. Потанин, принципиально соглашаясь с Н.М. Ядринцевым в вопросе о патерналистских акциях в деле просвещения, предостерегает коллегу от опасностей и «ловушек», которые могут встретиться на этом благородном пути: «При покровительстве огулом, при централизационном протекционизме всегда будет так; это походит на то, как богатые именники иногда кидали деньги в народ; кто сильнее, тому одному все и достанется; то же самое происходит и с просвещением» (Потанин, 1987: 84).

Особое место в эпистолярном дискурсе сибирских областников занимала проблематика колониального характера, являвшаяся логическим продолжением темы «провинции» и «местных вопросов».

Уже в первых письмах к Г.Н. Потанину в Шенкурск (апрель 1872 г.) Н.М. Ядринцев сетует на объективные ограничения в подготовке и публикации статей, посвященных колонизации, которые он объясняет общей ксенофобской атмосферой, охватившей не только национал-консервативные, но и некоторые либеральные издания начала 1870-х гг.: «Представьте себе положение, когда вы специально хотите написать о германской цивилизации, вдруг вам редактор пишет, что немцев надо

откатать, так как они хотят надеть на Европу «бисмарковские рейтузы... (Слог редактора журнала «Дело»)». Сейчас мне показал Серафимыч (Шашков), что Благодетель просит его написать об английской колонизации и...обругать рыжих варваров» (Ядринцев, 1918: 24). И далее: «За что ругать? За то, что их колонизаторские таланты создали Америку и Австралию? За то, что Новой Голландии, Мысу Доброй Надежды и Канаде дана конституция, за то, что в Индии они строят университет и избороздили ее железными дорогами?» (Ядринцев, 1918: 25). В риторике Н.М. Ядринцева, полной искреннего возмущения, метафорически заключена идея о выгодах колониального статуса для Азиатской России, моделях коллаборации метрополии и колонии, механизмах управления колониальными территориями и перспективах эволюции колониальных практик. Ядринцев полагал, что формат английской колониальной политики был более прогрессивным в сравнении с другими европейскими державами и Англия быстрее других стран добралась до крайней формы колониализма – экономической эксплуатации своих владений (Ядринцев, 1918: 38). Н.М. Ядринцев сделал вывод следующего рода: «Англия показывает пример, поучительный для народов, как невыгодна экономическая форма эксплуатации для мировых общечеловеческих интересов. Все заставляет обратиться к новому началу – солидарности международных отношений, основанных на принципах равенства и свободы, и тогда колониальная политика явится одной из благороднейших форм взаимной дружбы...» (Ядринцев, 1918: 38).

Идея организации «правильной» колониальности, с учетом положительного опыта Англии и Австралии, получила дальнейшее развитие в представлениях Н.М. Ядринцева об основных проблемных сферах отечественного колониального опыта. В письмах к Г.Н. Потанину к числу таковых он относил вопросы ссыльно-каторжной практики, инородческую и переселенческую проблематику.

Отношение к ссылке как препятствию колонизации наиболее рельефно сформулировано Ядринцевым в письме от 31 мая 1872 г., в котором автор представил свои комментарии к проекту тюремной реформы в России. Н.М. Ядринцев, отталкиваясь в своих рассуждениях от статистики населения в европейской и азиатской частях империи, приходит к выводу, сообразно с которым колонизация на восточных окраинах России оказывается желательной только на добровольных началах, в то время как колония репрессивно-карательного типа не представляет залога ее продолжительности (Ядринцев, 1918: 31). При этом Н.М. Ядринцев признавал положительное значение карательных практик для первоначального заселения Азиатской России, отмечая, что дальнейший приток преступников может поддерживать в ней только беспорядок. Ядринцев резюмировал: «Уничтожение сибирской ссылки указывает, что расходы на нее можно употребить и на устройство тюрем» (Ядринцев, 1918: 32). В письме к другу Н.М. Ядринцев также приводит важный фрагмент своей переписки с председателем тюремной комиссии графом Соллогубом, в котором он отмечал репутационное значение для имперской власти факта отмены ссылки: «Мы отрешаемся от этого без предрассудков. Часть великого дела в реформе будет принадлежать тем лицам, рассмотрению которых обязана реформа, а следовательно, и Вам, Ваше сиятельство» (Ядринцев, 1918: 33).

В качестве составляющего элемента колонизации в письмах Н.М. Ядринцева позиционируется и инородческий вопрос, рассматриваемый автором в контексте периодизации промышленной истории Азиатской России. В письме от 26 марта 1872 г., информируя Г.Н. Потанина о подготовке очерков о восточной культуре и промышленности, Ядринцев сжато описывает общую программу исследования, в которой выдвигает тезис о том, что «русский человек «промышляет» инородца, а последствия этой политики – воззрения на Восток как на завоеванную страну» (Ядринцев, 1918: 22). Стоит отметить, что Н.М. Ядринцев не ограничивается только банальными декларациями о колониальном характере политики населения Российской империи. В переписке с Г.Н. Потаниным Ядринцев детально характеризует состояние данного вопроса в США и Канаде, акцентируя внимание на законодательных практиках властей этих стран по эмансипации коренного населения, что привело к установлению их равноправия с колонистами (Ядринцев, 1918: 41). Необходимо подчеркнуть, что позиция Н.М. Ядринцева по инородческому вопросу соответствовала социал-дарвинистским представлениям значительной части интеллигенции второй половины XIX в.: задачи колонизации как государственного освоения свободных территорий на окраинах регулярно приходили в противоречие с образом жизни и типом хозяйственно-экономической деятельности автохтонного населения. Согласно размышлениям Ядринцева, изложенным в письме к Потанину от 18 марта 1872 г., процесс «вымирания инородцев надо рассматривать более разносторонне, а не с одним рутинным обличением победителей» (Ядринцев, 1918: 85). Исследователь полагал, что существует много условий, определяющих сокращение численности коренных народов, связанных с соседством с европейцами, в том числе экономических, а вопрос об ограничении инородческих земель, сужении их пастбищ и мест охоты является неизбежным вопросом колонизации и цивилизации (Ядринцев, 1918: 85-86).

В аналогичном ключе в письмах Н.М. Ядринцева репрезентируется и переселенческий вопрос, рассматриваемый им в качестве одного из первоочередных в программе колонизации Азиатской России. Для Ядринцева выглядит очевидным, что распространение крестьянского землепользования неизбежно приведет к «утеснению» в хозяйственном отношении коренных народов, но амортизирующим фактором должна стать законодательная политика, регулирующая не только

выселение мигрантов из европейской части страны, но и их водворение в различных местностях колонизируемого региона (Ядринцев, 1918: 77).

Актуальность колониальной проблематики признавал в переписке и Г.Н. Потанин, подчеркивая при этом свою недостаточную компетенцию в существе вопроса, скромно замечая: «Вопрос о колониальной политике для меня самый первый, и в нем я совершенный профан и брожу всегда не при свете европейской науки, а при свете масляной лампы, которая чадит в моем собственном мозгу. Вы меня должны просветить в этом предмете» (Потанин, 1987: 92). Показательным выглядит и обращение Григория Николаевича к другу, свидетельствующее о желании расширить свой кругозор в данном вопросе: «Пришлите мне список книг о Востоке, какие имеете, и о колониальной политике» (Потанин, 1987: 82).

Тем не менее Потанин достаточно ясно представлял себе своеобразие отечественного варианта колонизации, реализованного, по его мнению, «на доисторический манер» (Потанин, 1987: 97). Специфику российской колонизации исследователь видел не в скотоводческом начале, как в Европе, а в земледельческом ее характере, что ориентировало автора к признанию особой роли государства в колониальном процессе, важности протекционизма и контроля над всем колонизируемым спектром, а не отдельными, наиболее перспективными в экономическом отношении частями (Потанин, 1987: 102).

Г.Н. Потанин выразил солидарность с Н.М. Ядринцевым в вопросе об инородцах региона в колониальном аспекте, сосредоточив внимание на теме культурной идентичности индигенных народов, более продуктивной, нежели у русских переселенцев адаптивной способности к местным природным и социальным условиям: «Даже киргизы считают нашу культуру ниже. Да и в самом деле они нас снабжают армяком, а не мы их» (Потанин, 1987: 85). Делясь с Н.М. Ядринцевым своими соображениями по поводу прочитанной монографии Г. Герланда о вымирании примитивных народов, Потанин высказал предположение о способности инородцев быстро усваивать европейскую культуру, предполагая написать по данному поводу статью с названием «Невымирающие дикари» (Потанин, 1987: 92). Не менее важным, судя по всему, для Г.Н. Потанина являлись и сюжеты культурной миксации русского и коренного населения Азиатской России. Обращаясь к Ядринцеву, Потанин в полусутоливой манере задает ему вопрос: «Не измыслим ли мы... рассказ из прииртышской жизни? Нужно гуманизировать наших пионеров; изобразить молодую казачку, влюбленную в киргиза, – факт, который у нас на Иртыше не редкость» (Потанин, 1987: 89).

Коммуникативное согласие со своим эпистолярным собеседником демонстрирует Г.Н. Потанин и в вопросе о ссылке, тем более что данный сюжет был частью его биографического опыта. Знание проблемы изнутри направляло Потанина в сферу написания беллетристических произведений, посвященных сибирской ссылке и каторге. В своем послании к Н.М. Ядринцеву от 13 марта 1872 г. Потанин сообщил о практически готовой повести «Тайжане», понимаемой им как протест против штрафной колонизации – «изображение, как портится девушка, воспитывающаяся со служанкой ссыльной, как деморализуется чиновник, имеющий дело с бродягами, наконец, тайга, представленная в качестве тюрьмы, и управляющие золотыми приисками в качестве тюремщиков» (Потанин, 1987: 81, 85).

5. Заключение

Подводя общие итоги и оценивая содержание репрезентаций Азиатской России как колонии в эпистолярном дискурсе лидеров сибирского областничества, считаем необходимым отметить следующее:

Личная переписка Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, относившаяся к периоду 1872–1874 гг., представляет собой яркий пример модели интеллектуальной коммуникации деятелей общественно-политического движения в обстоятельствах вынужденного ограничения гражданских прав и свобод, травматической ситуации как части социального опыта. В сложившихся обстоятельствах происходил постепенный процесс переориентации сибирских областников от сферы политической практики к области региональной журналистики, что находит очевидное подтверждение в их текстах: обсуждаемых темах, риторике и стилистике. Также на основании переписки можно говорить и об определенной мировоззренческой эволюции наших героев, очевидно, «дрейфующих» от политического радикализма к умеренному либерализму во взглядах на процесс империостроительства на востоке страны.

Прочтение и расшифровка содержания эпистолярного дискурса Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина в указанный период позволяет высказать предположение, согласно которому участниками переписки были обнаружены и репрезентированы элементы новой политической программы сибирского областничества, свободной от радикальных сепаратистских лозунгов отделения от России. Вместе с тем представления областников о характере инкорпорации азиатских территорий в общеимперское пространство кардинально отличалось от понимания данной ситуации во властных кругах и национал-консервативном секторе российской общественно-политической мысли. Апеллируя к западно-европейским колониальным теориям, лидеры областничества видели в Азиатской России не продолжение территории империи, а колонию, нуждающуюся в

поддержке и патерналистской опеке со стороны метрополии до тех пор, пока не произойдет их культурное, социальное, экономическое выравнивание, которое обеспечит последующую политическую эмансипацию региона.

Литература

- Березин, 1858** – Березин И.Н. Метрополия и колония // *Отечественные записки*. 1858. № 3–5. С. 74–115.
- Макарова, 2011** – Макарова Е.А. Посмертный диалог Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина (на материале писем и архивных документов) // *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 2 (14). С. 54–59.
- Матханова, 2021** – Матханова Н.П. Письма сестры и племянницы к поэту А.М. Жемчужникову: женский взгляд на события в России (конец XIX – начало XX века) // *Петербургский исторический журнал*. 2021. № 2 (30). С. 74–86.
- Миньяр-Белоручева, 2015** – Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // *Язык и текст langpsy.ru*. 2015. Т. 2. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Belouchева.shtml> (дата обращения: 18.01.2022).
- Письма Г.Н. Потанина, 1987** – Письма Г.Н. Потанина. Т. 1. Иркутск, 1987. 280 с.
- Письма Н.М. Ядринцева к Потанину, 1918** – Письма Н.М. Ядринцева к Потанину. Красноярск, 1918. 232 с.
- Потанин, 1876** – Потанин Г.Н. Сибирские инородцы // *Сибирь (Иркутск)*. 1876. 4 июля (№ 27); 11 июля (№ 28).
- Потанин, 1983** – Потанин Г.Н. Воспоминания // *Литературное наследство Сибири*. Новосибирск, 1983. Т. 6. 336 с.
- Ремнев, 1997** – Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества / Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 142–156.
- Репина, 2007** – Репина Л.П. Интеллектуальные сообщества как объект и предмет сравнительно-исторического исследования: проблемы методологии // *Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительно-исторической перспективе*. М., 2007. С. 89–92.
- Серебренников, 2000** – Серебренников Н.В. Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород: 2000. (Подлинник – ТОКМ. Оп. 14. № 12. Л. 25–26).
- Скопкарева, 2015** – Скопкарева С.Л. Эпистолярное общение (к проблеме эпистолярного жанра) [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/ONG/Philologia/2_skopkareva%20s.l..doc.htm (дата обращения: 11.01.2022).
- Турбин, 1871** – Турбин С. Сибирь: Крат. землеописание. СПб.:1871. 142 с.
- Чернова, 2019** – Чернова И.С. Эго-документы как источник по истории становления и функционирования профессионального сообщества сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX в. // *Исторический курьер*. 2019. № 2 (4). С. 1–13.
- Чуркин, 2017** – Чуркин М.К. Сибирский колониальный дискурс в фельетонах Н.М. Ядринцева // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2017. Т. 24. № 3. С. 122–125.
- Шашмурина, 2020** – Шашмурина Ю.Ф. Влияние психотравмы на жизненную перспективу личности // *Молодой ученый*. 2020. № 10 (300). С. 217–220. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/300/67902/> (дата обращения: 04.01.2022).
- Шиловский, 2008** – Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. 270 с.
- Ядринцев, 1919** – Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания // *Сборник избранных статей*. Красноярск, 1919. 223 с.
- Ядринцев, 1980** – Ядринцев Н.М. Письмо Н.С. Щукину. 6 сентября 1860 г. // *Литературное наследство Сибири*. Новосибирск. 1980. Т. 5. 408 с.
- Ядринцев, 2003** – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. 555 с.
- Ядринцев, 2015** – Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / Сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2015. 752 с.

References

- Berezin, 1858** – Berezin, I.N. (1858). Metropoliya i koloniya [Metropolis and colony]. *Otechestvennye zapiski*. 3–5: 74–115. [in Russian]
- Chernova, 2019** – Chernova, I.S. (2019). Ego-dokumenty kak istochnik po istorii stanovleniya i funkcionirovaniya professional'nogo soobshchestva sibirskih zhurnalistov vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [Ego-documents as a source on the history of the formation and functioning of the professional community of Siberian journalists in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Istoricheskii kur'er*. 2(4): 1–13. [in Russian]
- Churkin, 2017** – Churkin, M.K. (2017). Sibirskij kolonial'nyj diskurs v fel'etonah N.M. Yadrinceva [Siberian colonial discourse in N.M. Yadrinceva]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3: 122–125. [in Russian]

- Makarova, 2011** – *Makarova, E.A.* (2011). Posmertnyj dialog N.M. Yadrinceva i G.N. Potanina (na materiale pisem i arhivnyh dokumentov) [Posthumous dialogue of N.M. Yadrincev and G.N. Potanin (based on letters and archival documents)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(14): 54-59. [in Russian]
- Mathanova, 2021** – *Mathanova, N.P.* (2021). Pis'ma sestry i plemyanicy k poetu A.M. Zhemchuzhnikovu: zhenskij vzglyad na sobytiya v Rossii (konec XIX – nachalo XX veka) [Letters from a sister and niece to the poet A.M. Zhemchuzhnikov: Women's Perspective on Events in Russia (late XIX – early XX century)]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2(30): 74-86. [in Russian]
- Min'yar-Belorucheva, 2015** – *Min'yar-Belorucheva, A.P.* (2015). Tipologiya istoricheskogo diskursa [Typology of historical discourse]. *Yazyk i tekst*. 2. [Electronic resource]. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Belorucheva.shtml> (date of access: 18.01.2022). [in Russian]
- Pis'ma G.N. Potanina, 1987** – Pis'ma G.N. Potanina [Letters from G.N. Potanin]. T. 1. Irkutsk, 1987. 280 p. [in Russian]
- Pis'ma N.M. Yadrinceva k Potaninu, 1918** – Pis'ma N.M. Yadrinceva k Potaninu [Letters to N.M. Yadrincev to G.N. Potanin]. Krasnoyarsk, 1918. 232 p. [in Russian]
- Potanin, 1876** – *Potanin, G.N.* (1876). Sibirskie inorodcy [Siberian aliens]. *Siberia (Irkutsk)*. 4 iyulya (№ 27); 11 iyulya (№ 28). [in Russian]
- Potanin, 1983** – *Potanin, G. N.* (1983). Vospominaniya [Memories]. *Sibir' (Irkutsk)*. T. 6. Novosibirsk, 336 p. [in Russian]
- Remnyov, 1997** – *Remnyov, A.V.* (1997). Zapadnye istoki sibirskogo oblastnichestva [Western origins of siberian regionalism]. *Russkaya emigratsiya do 1917 goda – laboratoriya liberal'noi i revolyutsionnoi mysli*. St. Petersburg, pp. 142-156. [in Russian]
- Repina, 2007** – *Repina, L.P.* (2007). Intellektual'nye soobshchestva kak ob"ekt i predmet sravnitel'no-istoricheskogo issledovaniya: problemy metodologii [Intellectual communities as object and subject comparative-historical research: problems methodology]. *Politicheskie i intellektual'nye soobshchestva v sravnitel'no-istoricheskoi perspektive*. M. Pp. 89-92. [in Russian]
- Serebrennikov, 2000** – *Serebrennikov, N.V.* (2000). Problemy i perspektivy russkoj provincial'noj literatury [Problems and prospects of Russian provincial literature]. Velikij Novgorod: Podlinnik– TOKM. Op. 14. №12. L. 25–26). [in Russian]
- Shashmurina, 2020** – *Shashmurina, Yu.F.* (2020). Vliyanie psihotrauma na zhiznennuyu perspektivu lichnosti [The influence of psychotrauma on the life prospect of the individual]. *Molodoi uchenyi*. 10(300): 217-220. [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/300/67902/> (date of access: 04.01.2022). [in Russian]
- Shilovskij, 2008** – *Shilovskij, M.V.* (2008). Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoj zhizni regiona vo vtoroj polovine XIX – pervoj chetverti XX v. [Siberian regionalism in the socio-political life of the region in the second half of the XIX – the first quarter of the XX century]. Novosibirsk, 270 p. [in Russian]
- Skopkaryova, 2015** – *Skopkaryova, S.L.* (2015). Epistol'yarnoe obshchenie (k probleme epistol'yarnogo zhanra) [Epistolary communication (on the problem of the epistolary genre)]. [Electronic resource]. URL: http://www.rusnauka.com/ONG/Philologia/2_skopkareva%20s.l..doc.htm (date of access: 11.01.2022). [in Russian]
- Turbin, 1871** – *Turbin, S.* (1871). Sibir': Krat. zemleopisanie [Siberia: brief land description]. St. Petersburg, 142 p. [in Russian]
- Yadrincev, 1919** – *Yadrincev, N.M.* (1919). Sibirskie literaturnye vospominaniya [Siberian literary memoirs]. Sbornik izbrannykh statei. Krasnoyarsk, 223 p. [in Russian]
- Yadrincev, 1980** – *Yadrincev, N.M.* (1980). Pis'mo N. S. Shchukinu. 6 sentyabrya 1860 g. [Letter to N.S. Shchukin. September 6, 1860]. *Literaturnoe nasledstvo Sibiri*. Novosibirsk. P. 5. 408 p. [in Russian]
- Yadrincev, 2003** – *Yadrincev, N.M.* (2003). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical term]. Novosibirsk, 555 p. [in Russian]
- Yadrincev, 2015** – *Yadrincev, N.M.* (2015). Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke [Russian community in prison and exile]. Sost., avt. predisl. i primech. S.A. Inikova; otv. red. O.A. Platonov. M.: 752 p. [in Russian]

Репрезентации Азиатской России как колонии в эпистолярном дискурсе лидеров сибирского областничества

Бакыт Салманович Токмурзаев ^{a,*}, Михаил Константинович Чуркин ^{b,c},
Сабира Нурбаевна Апашева ^a

^a Университет «Сырдария», Жетысай, Республика Казахстан

^b Омский государственный педагогический университет, Российская Федерация

^c Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье на материалах частной переписки Н.М. Ядринцева и Н.М. Потанина раскрывается содержание эпистолярного дискурса Азиатской России как колонии. Базисом исследовательских процедур являются методологические принципы новой культурно-интеллектуальной истории, а достоверность выводов обусловлена привлечением к работе массива писем 1872–1874 гг., написанных лидерами сибирского областничества в травматических обстоятельствах политической ссылки. Авторским коллективом установлено, что акторами дискурса были репрезентированы элементы политической программы колонизации азиатских пространств России, в которых отсутствовали декларации сепаратистского характера. Определено, что представления областников о характере инкорпорации азиатских территорий в общеимперское пространство заметно отличалось от понимания данной ситуации властью, партиями и движениями национал-консервативного спектра общественно-политической мысли Российской империи. Доказано, что апелляции в эпистолярном дискурсе к западно-европейским колонизационным теориям предоставили возможность лидерам сибирского областничества позиционировать Азиатскую Россию не в качестве продолжения территории империи, а как колонию, нуждавшуюся в поддержке и патерналистской опеке со стороны метрополии до тех пор, пока не произойдет их культурное, социальное, экономическое выравнивание, которое обеспечит последующую политическую эмансипацию региона.

Ключевые слова: Азиатская Россия, колонизация, колония, метрополия, окраина, лидеры сибирского областничества, сибирская журналистика, эпистолярный дискурс.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев),
proffchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин), sabira66_66@mail.ru (С.Н. Апашева)